

УДК 94(38).02:94(355)

СКУЛЬПТУРА ПЕРСА ИЗ ГЕРАКЛЕИ ПОНТИЙСКОЙ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГОРОДА

Т. Ю. Шашлова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: tatyana.shashlova2014@yandex.ru

В данной статье анализируется архитектурная находка из Гераклеи Понтийской – голова от мраморной статуи. Особенности головного убора этой статуи позволяют предположить, что она принадлежала, скорее всего, знатному персу – царю или персидскому сатрапу. Поскольку вопрос о политических взаимоотношениях южнопонтийских городов с персами в нарративных источниках освещен недостаточно, эта находка является ценным дополнением к литературной традиции и показывает, что данный полис уже в ранний период своего существования находился под властью персов.

Ключевые слова: Гераклея Понтийская, Ахеменидская держава, персидский царь, тиара, диадема, архаическая скульптура.

The Sculpture of a Persian from Heraclea Pontica and Some Questions of the Political History of the City

T. Ju. Shashlova

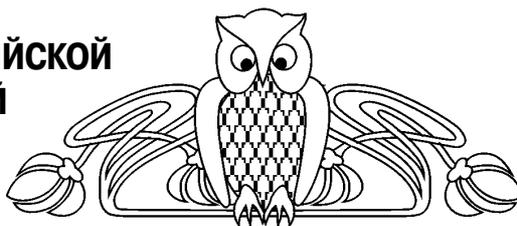
In this article an architectural find from Heraclea Pontica – a head of a marble statue – is analyzed. The peculiarities of this statue's headdress allow to assume that it belonged, most likely, to a noble Persian – a king or a satrap. As the question of political relations of the South Pontic cities with Persians is investigated insufficiently in narrative sources, this find is a valuable addition to literary tradition, and it shows that during the early period of its existence this polis had already been under the power of Persians.

Key words: Heraclea Pontica, Achaemenid Empire, Persian king, tiara, diadem, archaic sculpture.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-79-82

Политическая история ранней Гераклеи представляет собой довольно темный период в жизни полиса. В наших источниках сохранились только отрывочные сведения о внутренней борьбе между олигархической и демократической группировками (Arist. Pol. V, IV, 2), а также о тяжелых, доходивших до военных столкновений, отношениях гераклеотов с ближайшими соседями – племенем мариандинов (Strab. XII, 3, 4; Athen. VI, 263d, e; Pausan. V, 26, 7; Plat. Leg., VI, 776 cd.). Как следствие, только эти сюжеты преимущественно поднимались исследователями при изучении политической истории города.

Однако у Гераклеи практически с самого начала ее существования был другой, более могущественный сосед – Персидская держава Ахеменидов. Вопрос о взаимоотношениях гераклеотов с персами в столь ранний период никак не освещен в нарративной традиции. Мы можем о нем судить лишь по некоторым косвенным данным.

Гераклея Понтийская была основана ок. 550 г. до н. э. в Мариандинии, которая на тот момент входила в состав Лидийского царства (Herod. I, 6, 28). Источники не сохранили данных о том, существовали ли какие-то отношения между вновь прибывшими колонистами и лидийскими властями. Однако, думается, город был основан не без согласия последних.

Еще с VII в. до н. э. лидийские цари уделяли значительное внимание северо-западному региону своей страны. В этой области было основано много новых городов, преимущественно – греками. Выведение колоний в земли, принадлежащие лидийцам, должно было происходить с согласия последних¹. Страбон, например, прямо говорит, что греческий город Абидос был основан милетянами с разрешения царя Гига (XIII, 1, 22).

Правители Лидии проявляли интерес и к отдаленным от своих коренных земель территориям. Так, в Вифинии, совсем близко к Гераклее, существовал город Алиатта, получивший свое название по имени отца Креза Алиатта (Steph. Byz. s.v. Ἀλιῶττα). Мы можем предполагать, что и основание Гераклеи Понтийской также должно было быть официально санкционировано царем Крезом².

Однако уже довольно скоро, в 546 г. до н. э., Лидия была завоевана Персией, и все ее прежние владения теперь отошли под власть Персидского царства. Такая же судьба постигла и Мариандинию с расположенной там Гераклеей. Так в общих чертах выглядит вопрос о политической судьбе Гераклеи в связи с распространением персидской власти на западные области Малой Азии. Данная конструкция основана на анализе контекстной ситуации и соображениях общего характера, однако она представляется вполне вероятной.

Дополнительную ясность в изучаемый вопрос может внести археологическая находка из Гераклеи Понтийской. Речь идет о голове мраморной статуи, которая была найдена в окрестностях этого города. Впервые она была опубликована турецким археологом Э. Акургалом в 1986 г.³ С тех пор эта находка не привлекала особого внимания ученых, однако в 2005 г. она была вновь специально проанализирована немецкой исследовательницей Л. Зуммерер⁴.

К сожалению, в обоих исследованиях не указываются контекст и обстоятельства находки головы статуи⁵, что затрудняет ее интерпретацию. Мы не можем быть точно уверены, действительно ли она происходит из архаических слоев Гераклеи или была принесена туда из другого места в любое более позднее время.

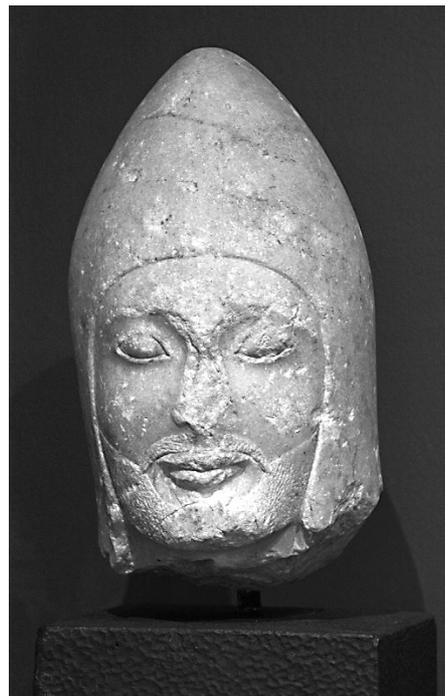

Голова имеет высоту 27 см, ширину – 15,5 см (рисунок). Она выполнена из мрамора, на ней в различных местах имеются пятна красно-коричневого цвета – вероятно, результат контакта с железом. Борода и усы достаточно короткие (2–3 мм), концы усов острой формы. Головной убор имеет высокий округлый верх, который поднимается значительно выше линии затылка. Концы его свободно свисают вниз, и точная длина остается нам неизвестной. По всей видимости, он сделан из мягкого материала. Красно-коричневые пятна на нем имеют ровную форму и тянутся в виде полосы по направлению от лба к затылку. Возможно, здесь была изображена какая-то деталь головного убора. У головы статуи частично отбит нос и нижняя часть подбородка.

Манера исполнения лица выдает руку греческого мастера. По стилистическим особенностям она полностью соответствует греческому архаическому искусству. Черты мягкие, округлые. Э. Акургал определяет его как «идеализированный человеческий тип»⁶. Статуя была сделана на территории Малой Азии или на прилегающих островах во второй половине VI в. до н. э.⁷

Ключевым для интерпретации статуи является ее головной убор. Э. Акургал определил его как *τιάρα ὀρθή*, то есть вертикальная, прямая тиара⁸. Тиарой греки называли высокую конусовидную войлочную шапку (Herod. VII, 61; Strab. XV, 3, 15), которую мы сейчас знаем под тюркским словом «башлык»⁹. По меткому выражению Л. Зуммерер, предлагая такую интерпретацию, Э. Акургал, видимо, не до конца осознавал, что она может иметь далеко идущие выводы¹⁰. Он считал, что статуя принадлежала «влиятельному малоазиатскому лицу», представителю знатных кругов¹¹. Однако, согласно античным нарративным источникам, носить прямую, вертикальную тиару мог только великий царь. Этот головной убор изготавливался из мягких материалов (войлока), потому его кончик должен был слегка опускаться на голове. По всей видимости, тиара персидских царей имела несколько другую внутреннюю конструкцию, которая позволяла ей удерживаться в вертикальном положении¹².

Этот головной убор носит Кир Великий в описании Ксенофонта: «за ними из ворот выехал на колеснице Кир в прямой тиаре и пурпурном хитоне с белой полосой посередине» (Xen. Сугор. VIII, 3, 13). В другом своем произведении – «Анабасисе» – устами Тиссаферна Ксенофонт говорит, что «только одному царю приличествует носить прямую тиару» (Xen. Anab. II, 5, 23). Спартанский царь Демарат, когда Ксеркс позволил ему просить подарок, попросил для себя разрешения «проехать через Сарды в прямой тиаре, как цари», чем вызвал страшный гнев персидского правителя (Plut. Them. 29). Во время Александра Македонского, после убийства Дария III, сатрап Бактрии Бесс, провозгласив себя новым царем Артаксерксом IV, «надел высокую тиару» (Arr. Anab. III, 25, 3) как символ верховной власти. Как видим, традиция устойчиво предполагает, что прямую тиару мог носить

только великий царь. Сведения об этом появляются в произведениях разного характера и разного времени. Степень информированности Ксенофонта о персидских делах не вызывает сомнений. Появление данной информации у историков Александра также должно свидетельствовать в пользу аутентичности этой персидской практики, поскольку произведение Арриана было основано на труде Птолемея – сподвижника Александра и участника похода.

Несмотря на то что прямая тиара довольно часто упоминается в античной нарративной традиции, до сих пор не удалось ее достоверно сопоставить с изображениями на ахеменидских рельефах. В Бехистуне, Персеполе и на цилиндрических печатях царь обычно изображался в короне (с зубцами или без) или в головном уборе в форме жесткого цилиндра¹³. Нигде в известных нам персидских рельефах великий царь не представлен в тиаре. В греческом искусстве, в том числе более позднего времени, неоднократно встречаются изображения персидских царей (мозаика Александра, кратер Дария из Неаполя), однако степень их соответствия подлинному костюму этих правителей вызывает сомнения. Вполне возможно, что греки изображали их, основываясь просто на знакомых им образцах персидской одежды, добавляя к ним некую роскошность¹⁴.

Поскольку сопоставить греческую традицию о прямой тиаре как головном уборе персидского царя с изображениями на ахеменидских рельефах не удалось, в историографии было высказано предположение, что термином *τιάρα ὀρθή* в устной и письменной традиции греков называлась персидская корона. Конкретные художники знали ее именно под таким названием, однако не имели представления о том, как она в действительности

выглядит. Поэтому они использовали в качестве образца известные им тиары персидских сатрапов, только изображали их верхнюю часть вертикально выпрямленной¹⁵.

Данная гипотеза подвергалась критике. Античные авторы единогласно говорят о том, что прямую тиару мог носить только персидский царь, а головной убор, такой же, как и у царя, на персидских рельефах носят и представители знати, а также стража и даже сфинксы¹⁶. К тому же трудно предположить, чтобы греки могли не отличить корону с зубцами или цилиндрический шлем от тиары (войлочной шапки). Аристофан насмешливо сравнивал прямую тиару персидского царя с петушиным гребнем (*Aves*, 487). По всей видимости, она была достаточно высокой, раз ее сравнили именно с этим брачным аксессуаром петуха. В любом случае этот пример показывает, что греки отличали тиару от короны, и когда говорили о «прямой тиаре», то имелся в виду именно этот тип головного убора, а не какой-то другой.

Тем не менее, нам кажется вполне вероятным, что греческие мастера, а тем более архаического времени, могли действительно не знать, как выглядит одеяние персидских царей. В это время с персами контактировали только греки Малой Азии. Они могли общаться с простыми жителями или, в крайнем случае, сатрапами. Данных о посещении греками персидского двора, аудиенции у царя, как это случалось в более позднее время, для конца архаики у нас нет. Поэтому греческие мастера могли иметь лишь очень приблизительные представления об одеянии персидских царей, которые они могли получить только из устных рассказов, ходивших на территории Малой Азии.

Как мы видим, прямых аналогий головному убору гераклейской статуи ни в персидских, ни в греческих изобразительных источниках нет¹⁷. В свою очередь, это не позволяет достоверно ни подтвердить, ни опровергнуть идентификацию Э. Акургалом этого убора именно как *tiara orbi*.

Другой важной деталью изучаемой скульптуры является полоса красно-коричневого цвета (скорее всего, ржавчины), идущая вокруг головного убора от лба к затылку. Э. Акургал считает, что эта полоса является результатом контакта с железом и не несет никакой смысловой нагрузки, то есть не обозначает никакой детали головного убора¹⁸. Однако следует обратить внимание, что полоса имеет достаточно ровную форму и тянется двумя прямыми параллельными (справа и слева) рядами по направлению к затылку. Характер следов заставляет предполагать, что предмет, оставивший эту полосу, прилегал к голове плотно, причем по окружности. Трудно представить, чтобы это являлось результатом контакта в земле с неким случайным предметом, столь идеально подходящим голове по размеру. Поэтому представляется более вероятным, что данная полоса может быть следом от некой детали головного убора. Л. Зуммерер считает, что это могла быть диадема – ленты белого и фиолетового цветов, которые носились

вместе с тиарой или короной¹⁹. На скульптуре эта диадема оформлялась в виде бронзовых накладок. Такие бронзовые накладки для бороды и головного убора реконструируются на известной позднеархаической голове из коллекции П. А. Сабурова, ныне хранящейся в Берлинском музее²⁰.

Из сообщений античных авторов мы знаем, что носить такие повязки-диадемы мог только царь, его родственники и другие знатные персы (*Xen. Cyrop.* VIII, 3, 13; *Curt.* III, 3, 19; *Polyaen* VII, 11, 2). Они также присутствуют на монетах ликийских сатрапов IV в. до н. э.²¹ Однако мы не знаем, имели ли сатрапы право носить диадему уже в VI в. до н. э., или такая практика оформилась в более позднее время. В любом случае наличие диадемы указывает на знатность лица и его принадлежность к правящим кругам. В эллинистическое время жесткие тиары, обвитые диадемой, определенно были регалией царей²².

Таким образом, мы видим, что головной убор гераклейской статуи, скорее всего, свидетельствует о том, что на ней изображено знатное лицо, представитель власти. Э. Акургал предложил три возможных варианта атрибуции его: местный династ, сатрап и великий царь²³. Сам он, несмотря на то что определяет головной убор как персидскую тиару, склоняется к тому, что на статуе изображен «анатолизованный грек». При этом ключевым аргументом для него является то, что на лице статуи отсутствует горбинка на переносице, которая по источникам более позднего времени была характерна для изображений персов²⁴. Заметим, что отсутствие горбинки на носу чистой воды предположение, так как нос у статуи сильно поврежден.

Нам кажется обоснованным мнение Л. Зуммерера о том, что данная статуя не могла принадлежать местному тирану, так как тирании в Гераклее в VI в. до н. э. не засвидетельствовано²⁵. Маловероятно, что это была статуя представителя местной знати, поскольку мариандины находились в подчиненном по отношению к гераклеотам положении²⁶.

Поскольку Гераклея Понтийская была значительно удалена от персидского центра, наиболее логичным было бы предположить, что статуя принадлежала сатрапу. Согласно Геродоту, Гераклея находилась на территории Геллеспонтийской Фригии (*Her.* III, 90), и можно было бы думать, что статуя была поставлена именно главе этой сатрапии.

Однако античные источники недвусмысленно свидетельствуют, что прямую тиару мог носить только персидский царь, но не сатрап. Конечно, идентификация головного убора гераклейской статуи именно с прямой тиарой не подтверждена с абсолютной точностью, поскольку отсутствуют соответствующие изобразительные источники. Мы даже рискнем предположить, что отсутствие тиары как головного убора персидского царя на рельефах может объясняться тем, что на них царь представлен в парадной одежде, а тиара могла быть частью более обыденного гардероба. Тем не менее, не приходится отрицать, что головной убор гера-

клеийской статуи действительно похож на шапки родственных персам скифо-сакских племен. К тому же на территории Малой Азии греческие города, как правило, не были частью сатрапий, а, имея значительную долю внутреннего самоуправления, подчинялись непосредственно царю.

Поэтому мы считаем возможным согласиться с Л. Зуммерер в том, что данная статуя могла принадлежать персидскому царю²⁷. Мы осознаем, что эта интерпретация, на первый взгляд, необычна, и что она не подтверждена с абсолютной точностью ввиду отсутствия изобразительных источников. Однако этот вариант кажется нам наиболее предпочтительным из всех остальных.

Из источников более позднего времени мы знаем, что Гераклея в эпоху классики придерживалась проперсидской ориентации (Just. XVI, 3, 9; Memn. Herac I.I, 5). Если идентификация данной статуи верна, то это позволяет предполагать, что полис занимал аналогичную позицию и в более раннее время.

Примечания

- ¹ О том, что лидийские цари могли с помощью греков осваивать вновь приобретенные территории см.: *Свенцицкая И. С.* Греческие города в составе Лидийского царства // ВДИ. 1978. № 1. С. 34–35; *Суриков И. Е.* Черноморское эхо катастрофы в Сардах (Персидское завоевание державы Мермнадов и колонизационная политика Гераклеи Понтийской) // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 65.
- ² См.: *Суриков И. Е.* Указ. соч. С. 65. Автор выстраивает концепцию, согласно которой именно персидское завоевание (а не борьба между олигархической и демократической группировками) вызвало сильный политический раскол в гераклеиском обществе и стало причиной выведения этим полисом двух колоний – Херсонеса Таврического и Каллатиса. Данная гипотеза представляется в высшей степени гипотетической, к тому же на территории Херсонеса до сих пор не было найдено материалов, которые можно было бы датировать столь ранним временем. См., напр.: *Стоянов Р. В.* Несколько замечаний о времени и причинах основания Херсонеса Таврического // ВДИ. 2007. № 2. С. 127. Прим. 13.
- ³ См.: *Akurgal E.* Neue archaische Skulpturen aus Anatolien // Archaische und klassische griechische Plastik. Mainz, 1986. S. 9–13.
- ⁴ См.: *Summerer L.* Achämeniden am Schwarzen Meer: Bemerkungen zum spätarchaischen Marmorkopf aus Herakleia Pontike // Ancient Near Eastern Studies (ANES). 2005. Vol. 42. S. 231–252.

- ⁵ Авторы отмечают только, что она находится в Музее анатолийских цивилизаций в Анкаре.
- ⁶ *Akurgal E.* Op. cit. S. 12.
- ⁷ *Ibid.* S. 13; *Summerer L.* Op. cit. S. 241, 242, 245, 246.
- ⁸ См.: *Akurgal E.* Op. cit. S. 10.
- ⁹ См.: *Calmeyer P.* Crown in the Median and Achaemenid periods // Encyclopedia Iranica. 2011. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/crown-i> (дата обращения: 07.10.2016). Головной убор персидских царей греки также называли словами «кибрасия» и «кидарис». По всей видимости, эти термины были равнозначны. Слова «тиара», «кидарис», «кибрасия» негреческого происхождения и, видимо, были заимствованы из древнеперсидского языка. Об этом см.: *Shahbazi Sh.* Clothing II. In the Median and Achaemenid periods // Encyclopedia Iranica. 2011. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/clothing-ii> (дата обращения: 07.10.2016).
- ¹⁰ См.: *Summerer L.* Op. cit. S. 233.
- ¹¹ См.: *Akurgal E.* Op. cit. S. 11.
- ¹² См.: *Calmeyer P.* Op. cit.
- ¹³ *Ibid.*
- ¹⁴ См.: *Borchhardt J.* Bildnisse achämenidischer Herrscher // Kunst, Kultur und Geschichte der Achämenidenzeit und ihr Fortleben. Ergänzungsband der archäologischen Mitteilungen aus Iran. 1983. Vol. 10. S. 207–223.
- ¹⁵ См.: *Goldmann B.* Darius III, the Alexander Mosaic, and the Tiara Ortho // Mesopotamia. 1993. Vol. 28. P. 53–55.
- ¹⁶ См.: *Summerer L.* Op. cit. S. 236; *Calmeyer P.* Op. cit.
- ¹⁷ См.: *Summerer L.* Op. cit. S. 234–239. Автор приводит подробный анализ изображений головных уборов персов на различных типах изобразительных источников.
- ¹⁸ См.: *Akurgal E.* Op. cit. S. 10.
- ¹⁹ См.: *Summerer L.* Op. cit. S. 240.
- ²⁰ См.: *Schäfer Th.* Gepickt und Versteckt. Zur Bedeutung und Funktion auf gerauter Oberflächen in der spät archaischen und früh klassischen Plastik // Jahrbuch des deutschen archäologischen Instituts. 1996. Vol. 3. S. 25–74.
- ²¹ См.: *Summerer L.* Op. cit. S. 241.
- ²² *Ibid.*
- ²³ См.: *Akurgal E.* Op. cit. S. 11, 12.
- ²⁴ *Ibid.* S. 12.
- ²⁵ См.: *Summerer L.* Op. cit. S. 242.
- ²⁶ *Ibid.* S. 243.
- ²⁷ *Ibid.* S. 245.

Список сокращений

ВДИ – Вестник древней истории
ANES – Ancient Near Eastern Studies

Образец для цитирования:

Шашлова Т. Ю. Скульптура перса из Гераклеи Понтийской и некоторые вопросы политической истории города // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 79–82. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-79-82.

Cite this article as:

T. Ju. Shashlova The Sculpture of a Persian from Heraclea Pontica and Some Questions of the Political History of the City. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History: International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 79–82 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-79-82.